

Дан Ф.

АТТИЛА

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Феликс Дан

Аттила

«Алгоритм»

1888

Дан Ф.

Аттила / Ф. Дан — «Алгоритм», 1888 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02370-5

Феликс Дан (1834–1912) – немецкий юрист, историк и поэт, родился в семье известного актера. С 1872 г. стал профессором немецкого и государственного права и философии в Кенигсберге, а в 1888 г. перешел в Бреславль. В 1854 г. Дан издал юридическую монографию; затем выступил как поэт, автор множества исторических стихов и поэм. Им написан также ряд комедий, драм и оперных либретто. В своих больших исторических трудах Дан предстает одним из тех чрезвычайно полезных исследователей, которые не прокладывают новых путей, но искусно подводят итоги всему сделанному. Как поэт, он мастер поэтического слога и проводник здравых идей, не возвышающийся, впрочем, над уровнем большинства других поэтов. Его исторические романы показывают серьезное изучение описываемой эпохи, читаются легко и увлекательно, а работы в области юриспруденции отличаются прекрасным методом и редкой ясностью изложения. В данном издании публикуется роман «Аттила», действие которого происходит в V в. новой эры, когда вождь племени гуннов Аттила вторгся в Италию и пошел на Рим, намереваясь сравнять его с землей. На фоне подлинных исторических событий показана непримиримая борьба, в которой происходило становление одних наций и исчезновение других.

ISBN 978-5-486-02370-5

© Дан Ф., 1888

© Алгоритм, 1888

Содержание

I	7
II	14
III	17
IV	19
V	22
VI	24
VII	26
VIII	29
IX	32
X	34
XI	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Феликс Дан

Аттила

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», 2008

I

Душная летняя ночь покрывала мраком Дунай. Могучая река привольно разлилась на необозримом пространстве и лениво катила к востоку свои обильные воды. У низменных топких берегов ее течение замедлялось бесчисленными зелеными островками. На одном из таких густо усеянных высоким тростником островков росли две узловатые, столетние ивы. Медленно ползли по небу мрачные тучи, подгоняемые влажным и теплым ветром с юга. Временами на далеком востоке вспыхивали трепетные зарницы. И еще грознее надвигалась теплая, беззвучная ночь, неся в себе что-то зловещее, непостижимое...

С тихим журчанием и плеском катились дунайские волны, замедля свой бег у маленького островка с двумя ивами. Широкий к западу и заостренный к востоку, он представлял собой почти треугольник, казавшийся пустынным и безжизненным. Но внезапно из зарослей тростника с резким криком вылетела крупная птица, хлопая тяжелыми крыльями. Она медленно полетела над островком, собираясь опуститься на одну из старых ив, как вдруг метнулась в сторону, словно испугавшись чего-то. Не найдя себе пристанища и пронзительно крича, птица полетела прочь, на восток – к устью Дуная, и вскоре скрылась из вида.

Между тем, раздался тихий шорох, а заросли ивняка закачались. Человеческая фигура, неподвижно лежавшая до сих пор на сырой земле, выпрямилась.

– Наконец-то! – шепотом произнес юношеский голос. – Это они!

Другой мужчина, прятаясь вместе с ним, дернул его за руку и прошептал:

– Тише, Даггар. Быть может, цаплю спугнули шпионы!

С северного берега Дуная к острову плыла легкая лодка. Она казалась черной полоской и скользила по блестящей глади реки как тень. Челнок несясь вперед с быстротой стрелы, четыре весла ритмично опускались в воду и неслышно взлетали вверх. Наконец, ловкий поворот руля – и лодка врезалась широкой кормой в густой тростник. Треск сухих камышей был единственным звуком, нарушившим ночную тишину.

Двое гребцов выпрыгнули на берег и втащили лодку подальше на твердую землю. Двое ожидавших вышли из своей засады. Все четверо, не говоря ни слова, обменялись крепкими рукопожатиями, потом пошли в глубь островка. У подножия старых ив была сделана остановка.

Так предложил старший из двоих, прибывших ранее. Он снял шлем, откинул назад волнистые седые кудри и заговорил с тяжелым вздохом:

– Как ночные грабители, затевающие злодейство, собрались мы сюда глухою ночью!

– А между тем речь пойдет о самом благородном деле, – воскликнул юноша, крепко сжимая копьё, – об освобождении!

– Но смерть витает над нашими головами! – наставительно прошептал младший из приехавших, придерживая ладонью длинную темную бороду, которую трепал ветер.

– Смерть всегда носится над людьми, граф Гервальт, – возразил его спутник твердым и уверенным голосом.

– Умное слово, король Ардарих! – воскликнул юноша.

– Только род смерти не одинаков, – прибавил седовласый старик.

– Конечно, король Визигаст, – подхватил Гервальт. – У меня кровь стынет в жилах, когда я подумаю о тех пытках, которые нас ждут, если «Он» проведает о нашем тайном совете, – граф содрогнулся.

– Ведь не всеведущ же он? – насмешливо спросил юноша.

– Аттила не Вотан¹, – подтвердил король Ардарих.

¹ Вотан – верховное божество у германцев, правитель вселенной.

– Однако приступим к нашему разговору, – напомнил Гервальт, плотнее закутываясь в плащ. – Вскоре ветер принесет проливной дождь, укроемся под ивами!

Все четверо шагнули под зеленый шатер развесистых ветвей.

– Начинай ты, король ругов, – сказал граф, – и не медли: горе нам, если утренняя заря не застанет нас в безопасном месте. «Его» всадники и шпионы рыщут повсюду. С моей стороны было безумием, что я позволил уговорить себя и явился на свидание. Только глубокое почтение к тебе, король Визигаст, другу моего отца, и признательность к тебе, король Ардарих, учившему меня двадцать зим назад владеть мечом, заставили Гервальта подвергнуться столь смертельному риску. Я хочу отговорить вас от несчастной затеи во что бы то ни стало. Когда мы пробирались сегодня по темным волнам Дуная, осторожно и тихо, точно тени умерших, а не живые люди, мне так и казалось, что мы спешим в преисподнюю.

– Туда попадают лишь трусы, которые боятся смерти от меча! – вскипел юноша, встряхнув короткими темно-русыми волосами.

Человек с темной бородой ударил кулаком по своему тяжелому мечу в кожаном чехле.

– Начинай, друг Визигаст, – примирительно промолвил король Ардарих, прислонившись к стволу дерева и прижав поперек груди копье, чтобы сдержать им полы плаща, которые трепал усиливающийся ветер. – А ты, молодой Даггар, умерь свой пыл. Я видел графа аллеманов в сражении на Марне, мы бились плечо к плечу, и могу тебе засвидетельствовать, что только самые бесстрашные герои смогли выдержать тот свирепый натиск врага.

– Что я хотел вам сказать – вы хорошо знаете сами, – начал седовласый король ругов. – Иго диких гуннов становится невыносимым. Когда наконец оно падет?

– Когда его сломят боги, – заметил Гервальт.

– Или мы! – воскликнул Даггар.

Король Ардарих задумчиво смотрел перед собой и молчал.

– Разве с нашей неволей можно примириться? – спросил Визигаст. – Граф Гервальт, ты – храбрый и гордый муж, как и весь твой отважный народ. Неужели мне повторять тебе то, что ты прекрасно знаешь, что ты выстрадал, как и все мы? Гунн господствует где хочет. Ни Рим, ни Византия не смеют вступить в борьбу с этим ужасом всех стран! И к тому же он называется братом страшного вандала Гейзериха, наводящего трепет на все моря. Все народы покорены им, начиная от ворот Византии на юге до Янтарных островов Полночного моря. И как правит он ими? По своей прихоти. Иногда на него найдет каприз великодушия, но только каприз, а потом опять начинаются неслыханные жестокости: казни, истязания, пытки, позор поработенных. Ни один король не может быть спокоен за свой высокий сан, ни один крестьянин – за свой трудовой хлеб, ни одна девушка – за свое целомудрие перед произволом и сластолюбием гунна. Но неумолимее всех поработенных им племен притесняет он нашу расу – людей со светлыми волосами и голубыми глазами, потомков жителей Асгарда². Ему хочется полного позора и унижения германцев.

– Исключая меня и моих гепидов, – спокойно возразил король Ардарих, немного выпрямляясь.

– Конечно! – с досадой вмешался Даггар. – Тебя и амалунга Валамера, остгота, он не обижает. Аттила называет вас своим мечом и дротиком. Вы у него в почете. Но какой ценой и за какую заслугу?!

– За нашу верность, молодой королевич!

– Верность? Разве это лучшая слава? Не то мне внушали с детства во дворце короля скиров! Мой слепой отец, король Дагомут, напевал мне под арфу, пока я не заучил наизусть:

Слушай покорно:

² А с г а р д – рай у древних германцев, жилище богов.

*Лучшая слава,
Высшая честь —
Это геройство.*

– И тебе пошли впрок наставления отца, юный Даггар, нечего сказать! Ты хорошо усвоил от него и геройство, и игру на арфе. Лучшим певцом и музыкантом называют тебя в наших странах как мужчины, так и девушки. Храбрым бойцом показал ты себя – к моей величайшей радости – в битвах с византийцами и славянами. Научись же теперь еще одному – от старого человека не стыдно выслушать наставление, Даггар, – всякое геройство возвышается верностью.

– И это все? – нетерпеливо произнес Даггар.

– Да, – ответил король гепидов.

– Значит, друг Ардарих, – с ударением начал король Визигаст, – у тебя нет больше жалости к твоим единоплеменникам, соседям, друзьям? Ты сказал правду: гепиды и вестготы не терпели до сих пор притеснений, их права не нарушались. Но все мы, остальные? Мои руги, скиры Дагомута, герулы, туркилинги, лонгобарды, квады, маркоманы, тюрингенцы, твои суабы, Гервальт? Разве Аттила не попирает с наслаждением все договоренные права даже тех из них, кто и не думал нарушать ему верность? Вас он чтит, вас он награждает богатыми дарами, делит с вами добычу, хотя бы вы даже и не участвовали в его походах, а что же мы? Нас он разоряет без милосердия. Неужели ты думаешь, что это не сеет между нами зависти и вражды?

– Разумеется, – со вздохом отвечал Ардарих, поглаживая седую бороду. – Это должно возбуждать враждебные чувства.

– Нечестивый гунн нарочно старается довести аллеманов до отчаяния и принудить к восстанию, – продолжил Визигаст.

– Чтобы вернее погубить вас, – закончил его мысль король гепидов и печально кивнул головой.

– Ко всем прочим притеснениям он прибавил еще злую насмешку и позор. Так, от тюрингенцев Аттила потребовал в придачу к ежегодной дани в триста коней, коров и свиней – еще триста девственников!

– Я убью, убью собственными руками этого осквернителя дев! – громко крикнул неосторожный, пылкий Даггар.

– Никогда не удастся тебе, отчаянная голова, приблизиться к нему даже на длину твоего дротика, – возразил Гервальт, махнув рукою. – Гунны стерегут каждый его шаг и окружают вожда густыми толпами, точно рой пчел – родимый улей.

– Ну а что же храбрые тюрингенцы, – серьезно спросил король Ардарих, – согласились они на требование Аттилы?

– Не знаю, – отозвался Визигаст. – Года два назад на нас повеяло надеждой: угнетенные народы ободрились и вздохнули свободнее, когда там, в Галлии – помнишь, друг Ардарих? – большая река, запруженная трупами павших воинов, не смогла продолжить своего течения и вышла из берегов, вскипая кровавой пеной?

– Помню ли я? – простонал гепид. – Двенадцать тысяч моих подданных сложили там свои головы!

– Тогда ему, всемогущему, пришлось отступить в первый раз.

– Благодаря доблестным вестготам и Аэцию! – воскликнул Даггар.

– А когда вскоре после того, – вмешался Гервальт, – грозного воителя заставил уйти из Италии старец, римский священник³, ходивший опираясь на палку, то все поработанные народы в Вечерней стране ожили и подняли головы в надежде...

³ Епископ Лев.

– ...что пришел конец их испытаниям, и небесный бич сломлен пополам, – договорил Визигаст.

– Тут и там уже вспыхивало пламя свободы! – вставил Даггар.

– Слишком рано! – сурово заметил король гепидов.

– Конечно, преждевременно, – вздохнул Гервальт. – Его погасили потоки крови.

– А теперь, – с негодованием заговорил Визигаст, – Аттила замышляет к весне новые злодеяния. Хотя он всегда умеет искусно скрывать свои планы, – о них можно только догадываться, – но его замыслы должны быть чудовищны, судя по затеянным приготовлениям. Он собирает все свои народы – по крайней мере, несколько сот наций из двух частей света: Европы и Азии, а из третьей – Африки – ему протягивает руку для страшного союза кровожадный вандал.

– Против кого они ополчаются? Хотелось бы знать! Не опять ли против Запада? – спросил Гервальт.

– Или против восточного государства? – прибавил Даггар.

– А не то и против обоих вместе, – заключил Ардарих.

– Против кого бы то ни было, но теперь Аттила будет вдвое сильнее, чем три года назад! А кто его противники? Малодушный царь на византийском троне! На Западе – Аэций, опальный полководец императора Валентиниана, которому ежеминутно грозит кинжал наемного убийцы. У вестготов – три, даже четыре брата короля оспаривают корону. Весь мир станет добычей варваров, если Галлия и Испания также подпадут под иго притеснителей. После них придет черед погибнуть Риму и Византии. Вот почему Аттила непременно должен умереть, прежде чем ему удастся выступить в этот последний поход, который обещает завершиться несомненной победой. Если он останется жив, ему покорится вся вселенная. Прав я или нет, друг Ардарих?

– Ты прав, – со вздохом отвечал тот, поднося левую руку ко лбу.

– Нет, ты ошибаешься, король Визигаст! – перебил их обоих суеверный Гервальт. – Твои слова были бы разумны, если бы они относились к обыкновенному смертному, как мы, которого можно одолеть подобно прочим людям. Но «Он» – чудовище, вышедшее из христианского ада! Наши жрецы Циу толкуют между собой, будто бы он родился от нечистого духа и проклятой альруны⁴. Дротик не колет его, меч не рубит, никакое оружие не ранит. Я убедился в том собственными глазами. Мы стояли рядом на той галльской реке – на Марне – я упал и сотни тысяч бежали или падали под тучей стрел и дротиков, а он стоял прямо. Аттила смеялся! Он дунул – я хорошо видел это! – дунул в свою жидкую бороду клином, и римские стрелы стали отскакивать, точно соломинки, от его одежды из лосиной шкуры. А что он не человек, это лучше всего доказывает его жестокость.

Гервальт умолк, дрожа всем телом и закрыв лицо руками.

– Скоро минет тому тридцать лет, – начал он снова после некоторой паузы, – я был тогда мальчиком, но и до сих пор вижу перед собой ужасное зрелище: как мой престарелый отец, брат и ни в чем не повинная мать, взятые в плен Аттилой во время возмущения, корчились на заостренных кольях и были в страшных мучениях. А тут же, на самом виду – были замучены до смерти мои четыре сестры, юные девушки, доставшиеся на поругание сначала Аттиле, а потом его конюхам! Меня он швырнул лицом прямо на вздрагивающее в предсмертных судорогах тело отца и прокричал: «Вот как кончают те, кто нарушил верность Аттиле! Мальчик, гляди и помни! С сегодняшнего дня ты научишься быть верным мне!» И я научился... – заключил Гервальт дрожащими губами.

– И я также, – произнес король гепидов. – Хотя урок был другого рода, но, пожалуй, еще чувствительнее... Страх? Он мне незнаком. Я отвык от него на полях сражений. Меня побуж-

⁴ А л ь р у н а – вещая колдунья.

дает к повиновению нечто гораздо сильнее – честь! Я так же, как и ты, король Визигаст, понял – много лет тому назад, – что иго дикарей стало невыносимым. Я вздумал избавить от него мой народ и вселенную. Все было заранее подготовлено: союз с Византией, тайный договор со многими германскими королями и вождями славян. Я лежал в своей палатке и спал – то было за три дня до назначенного срока восстания, – как вдруг, проснувшись, увидел самого Аттилу, который спокойно сидел возле моего ложа! В ужасе я хотел вскочить, но гунн ласково удержал мою руку, заставив по-прежнему лечь на подушки, и передал мне слово в слово весь наш договор, весь план войны, что был изложен на четырех страницах римского письма. Он сказал все это наизусть, а потом прибавил в заключение: «Твои союзники распяты, все до единого – семнадцать человек. Но тебя я прощаю. Тебе остается твое царство. Я доверяю Ардариху, будь мне верен с этих пор». В тот же день Аттила охотился со мной и моими гепидами в Дунайском лесу. Усталый, он заснул, положив голову мне на колени. Пока он жив, я должен хранить ему верность...

– И целый мир пусть достается гуннам и будет их собственностью навеки! – возразил с отчаянием король ругов.

– Да, пока «Он» жив.

– Если гунны еще раз одержат победу, их господство будет несокрушимо.

– Сыновья Аттилы, – с ударением произнес Ардарих, – не то, что он сам...

– Хорошо! Однако Эллак настоящий богатырь. У него достанет силы одержать новые победы и утвердить свое владычество над теми, кого завоевал отец. Тогда у царства гуннов не останется больше ни одного врага в целой вселенной.

– Тогда – конечно, они будут! – сказал Ардарих.

– Настоящая королевская речь, – нетерпеливо воскликнул Даггар, – но уж чересчур загадочно! Одним словом, мы будем сражаться с гуннами без гепидов и даже против них! Король Визигаст, пошли меня к Валамеру, амалунгу. Я попытаюсь...

– Не спеши напрасно, юный Даггар, – заметил Ардарих.

– Разве он тоже осыпан милостями и... связан по рукам и ногам? – гневно спросил юноша.

– Нет. Но Валамер заключил с Аттилой священный союз и запил его кровью.

– Фу, противная гуннская кровь! – воскликнул королевич.

– Также и остгот не восстанет против гуннов, пока жив Аттила.

– Но он может долго прожить, потому что считает себе всего пятьдесят шесть зим, – с досадой произнес Даггар.

– А тем временем мир погибнет, – вздохнул Визигаст.

– Пусть лучше гибнет целый мир, чем моя честь! – спокойно сказал король гепидов, выпрямляясь во весь рост. – Пойдем, Гервальт, нам пора. Я приехал сюда, потому что давно подозревал о замыслах короля Визигаста. Мне хотелось выслушать его и предостеречь во что бы то ни стало, даже рискуя жизнью, только не честью. Старый герой ругов с белыми кудрями! Разве ты можешь надеяться сломить гуннов, если я и Валамер их поддержим? А мы должны это сделать, если ты нападешь на них. Король с седой бородой! Неужели ты до сих пор не постиг первого искусства правителя – умения ждать? Слушай, что я говорю, старый собрат по оружию!

– Нет, нет, нет, ждать нельзя! – крикнул Даггар. – Оставь, король Визигаст, и гепидов и остготов в покое: пускай они проспят лучший победный венок – военную славу! Мы не станем ждать! Ты ведь говорил, что после весны будет поздно. Мы выступим на бой! Неужели нас мало? Твои руги, мои скиры, Визанд, властелин герулов, со своим сильным войском! Благородный лонгобард Ротари со своими приближенными! Благородный маркоман Банчио с родичами! Трое вождей славянских: Дрозух, Милитух и Свентослав! Наконец, не обещал ли сам

царь византийский тайно доставить нам через своих послов, отправленных к гуннам, и золото, и серебро, и оружие?..

– Если только он сдержит слово! – перебил Ардарих. – Ты мне нравишься, юный королевич! Звучно ты играешь на арфе, хорошо дерешься и бойко говоришь. Научись еще четвертому, более трудному и более нужному искусству для короля – молчанию. А что, если я передам слышанное от тебя великому хану гуннов?

– Ты этого не сделаешь! – воскликнул юноша, чувствуя, как его волю парализует ужас.

– Я этого не сделаю, потому что поклялся самому себе держать в тайне то, что услышу здесь. Я имею право умолчать об этом, поскольку гибель грозит не ему, а вам. Ты сомневаешься, отважный Даггар? Но верь мне: все, кого ты назвал, и хотя бы их было вдесятеро больше, не в состоянии отщепить ни крупинки от того ярма, которое Аттила наложил на всю землю. Жаль мне твоей пылкой юности, пламенный герой! Жалко твоей седой головы, мой старый друг! Вы погибли, если не послушаете моих предостережений. Обождите! Как, ты не хочешь подать мне руки, Визигаст? Ты расcaeшься в том, когда увидишь на деле, что я был прав. Но моя рука, хотя ты и отверг ее сегодня, – останется рукою твоего лучшего друга. Она всегда будет открыто протянута к тебе: запомни это. Пойдем, Гервальт!

И они оба, круто повернувшись, исчезли в темноте. Почти без шума был спущен на воду утлый челнок...

Король ругов, опершись на эфес исполинского меча, задумчиво смотрел вдаль.

– Король Визигаст! – приступил к нему юноша. – Ведь ты не станешь колебаться?

– Нет, – отвечал тот грустным голосом, – я не стану колебаться. Я принял решение. Мы должны отложить дело. Мы погибли, если выступим против притеснителя без поддержки друзей.

– Пусть погибнем! – вспыхнул юноша. – Но мы должны попытаться! Узнай же то, что я скрыл от чужих: мы обязаны действовать, и притом немедленно!

– Почему?

– Потому что... Это нужно ради нее, ради твоей дочери!

– Ильдихо? Что с ней?

– Сын Аттилы увидел ее и...

– Который?

– Эллак. Он приходил в твое жилище, когда ты поехал охотиться в наши владения.

– Кто сказал тебе это? Уж, конечно, не он.

– Она сама...

– А мне – ни слова!

– Она не хочет пугать тебя преждевременно. Ведь ты знаешь ее твердость... Ильдихо надеялась, что все обойдется благополучно. Однако дело вышло иначе. Увидев прекраснейшую из всего германского народа девушку, он захотел обладать ею... И кто может увидеть Ильдихо и не пожелать того же? Эллак упросит отца, вот увидишь... И тогда...

– Ильдихо! Дитя мое!.. Пойдем. Надо спешить. Скорее домой.

Они быстро пошли к восточной оконечности островка, где их ожидал плот, грубо сколоченный из шести толстых бревен. На берегу его удерживал вогнанный в илистый грунт шест. Старик и юноша спустили плот на воду и встали на него. Даггар оттолкнулся шестом от берега, и они понеслись вниз по течению. Королевич, орудуя шестом, торопливо перебежал с одной стороны на другую; Визигаст правил широким веслом. Наконец они причалили к правому южному берегу. Оба они ощущали тревогу и нетерпение.

Между тем на покинутом островке опять воцарилось безмолвие... Так прошло несколько долгих минут. Плескались волны, шелестел тростник, сгибая к воде темно-коричневые, пушистые головки, беззвучно реяли над камышом летучие мыши.

И вдруг – низкорослый ствол вековой ивы, под которой совещались четыре германца, начал странным образом расти: между его ветвей показалась темная фигура. Сначала высунулась увенчанная шлемом голова, затем – коренастый торс, укутанный в плащ. Две руки уцепились за верхушку дерева. Человек зорко осмотрелся во все стороны и, убедившись, что вокруг пустынно и тихо, вытащил ноги из древесного дупла. Спрыгнул на землю. За ним показалась вторая фигура, потом – третья. Все они спустились вниз.

– Ну, вот, разве я солгал, господин? – горячо воскликнул третий, совсем юноша. – Все вышло, как я и говорил.

Человек, к которому обращались, не ответил ни слова. Темнота скрывала его черты, но коренастая, малорослая фигура не отличалась благородством форм.

– Запомни хорошенько имена, Хелхал, – приказал он другому спутнику. – Я тоже не забуду их: Визанд, Ротари, Банчио и трое славянских псов. Пригласи их на наш торжественный трехдневный праздник в честь Дзривилы, богини коней. Это не покажется странным, потому что таков наш обычай. Я должен иметь их в своих руках, всех до одного, со свитой и родичами!

– Господин, ты, значит, доволен? – снова заговорил первый вкрадчивым голосом. – Дай же мне условленную награду. Неужели ты думаешь, что мне было легко нарушить свою верность и выдать с головою молодого, благородного господина? Мне, его щитonosцу? Только безумная жажда обладать той девушкой – без твоей помощи это невозможно – могла побороть мою жалость. Ах, если бы ты знал, как хороша Ильдихо! Ее красоты нельзя описать – она зажигает сердце! У нее роскошное, стройное, белое тело...

– Стройная? Роскошная? И беленькая? Ну, я сам это скоро увижу.

– Когда?

– Разумеется, на твоей свадьбе. Я непременно приду пировать вместе с вами.

– Поспеш! Ты слышал: Эллак прельстился ею... О, как бы я хотел ускорить желанную минуту. Когда же девушка достанется мне? Когда ты дашь мне Ильдихо?

– Когда хорошенько удостоверюсь в твоей верности и умении молчать. Посуди сам: ты предал своего собственного господина в мои руки уж никак не из любви ко мне, потому что я тебе только страшен. Как же мне самому оградиться от твоего предательства?

– О, выбери для этого какое угодно средство, самое сильное, самое верное.

– Самое верное? – в раздумье повторил коренастый, осторожно ощупывая что-то под своим плащом. – Хорошо, будь по-твоему!

В воздухе мгновенно мелькнул длинный, кривой нож и с такой силой вонзился в живот германца, что конец его прошел сквозь ребра.

Щитonosец Даггара без крика свалился замертво.

– Оставь его тут, Хелхал. Вороны позаботятся о нем. Пошли.

– Господин, дай мне одному переплыть на ближайший островок, где мы спрятали лодку. Я приеду за тобой. Вода ледяная, ты должен побереечь себя.

– Молчи. Тому, кто каждую ночь бесчестит германскую девушку, нетрудно два раза кряду переплыть небольшую часть Дуная. По крайней мере, наши труды не пропали даром. Не только одна мелкота, из старых и молодых, попадет ко мне в руки, но я согну и оба гордых дуба: гепида и амалунга. Они должны дать клятву верности и моим сыновьям, как дали мне. Иначе обоим – смерть! Пойдем, Хелхал! Я радуюсь заранее холодному купанию. Приди, высокогрудый Дунай, в мои жадные объятия!

II

Страна ругов – владения короля Визигаста – простиралась от правого берега Дуная к западу, до цепи холмов, где берут свое начало реки Кремс и Камп. На один день пути от Дуная стоял на возвышенности королевский дворец, довольно простое здание, окруженное более низкими постройками.

Склоны возвышенности поросли дубами и буками, а из дворца открывался прекрасный вид на долину с северной стороны: здесь протекал широкий, светлый ручей, извивавшийся по роскошной луговине и огибавший холм с юга к северо-востоку.

На берегу этого ручья в одно ясное летнее утро кипела веселая работа. Группа молодых девушек усердно занималась стиркой шерстяных и полотняных одежд в прозрачной свежей воде. Юные работницы представляли красивую и живописную картину, полную разнообразия и движения. Они не тяготились своим занятием, потому что ежеминутно оглашали воздух громким говором и задорным смехом, смешивавшимся со звонким стуком вальков, чьи красные, желтые, голубые и белые спинки быстро мелькали в воздухе, выделяясь на зелени сочного, усыпанного блестками росы луга. Девушки подоткнули подолы своих длинных, похожих на рубашки платьев, подвязав повыше концы широких поясов; они работали босиком, не стесняясь обнаженных, сверкающих на утреннем солнце своей белизной ног. На некоторых девушках были широкополые, совершенно плоские шляпки из бурого тростника, подвязанные тесемкой у подбородка, но большинство обходилось без них, свободно распустив по плечам белокурые волосы – среди них не было ни одной темно-русой. Временами то одна, то другая из согнувшихся над водою работниц поднималась на ноги, выпрямляя стройную девичью фигуру, упиралась обнаженными руками в бедра и подставляла свежему ветру свое пылающее лицо.

Так трудились целое утро двенадцать девушек, стоявших рядышком на коленях на чистом и мелком прибрежном песке. Прополоскав по несколько раз каждую вещь, девушки раскладывали белье на больших плоских камнях, специально принесенных сюда, и принимались колотить мокрую ткань гладкими вальками, сделанными из белой березы. Иногда валец будто бы невзначай попадал по воде, осыпая соседку шалуньи холодными брызгами, вызывая несмолкаемый смех и новые шутки.

Покончив с этим занятием, девушки крепко скручивали и выжимали каждую выстиранную вещь непременно по семь раз, наблюдая, чтобы вода стекала на землю, а не обратно в ручей. Таков был древний обычай, завещанный германским женщинам самой богиней Фриггой, супругой Вотана – высшего божества. Отжатые одежды полоскальщицы бросали в густую траву и брали из высоких, ивовых корзин новую партию белья.

Другие девушки – расстилальщицы – быстро подбирали выстиранные вещи, складывали в неглубокие корыта из липового дерева и уносили подальше на лужайку, где на самом припеке солнце уже давно успело высушить траву. Там работницы расстилали по земле чистые одежды длинными рядами, тщательно разглаживая каждую складочку. На лужайке пестрело множество цветов: и вероника, и венерины башмачки, и рута, и тысячелетник, – и все они прятались в траве, спасаясь от жарких лучей солнца. Над ними кружились пестрые, разноцветные мотыльки и бабочки, стрекозы с длинным тельцем и прозрачными, как слюда, крыльями, отливающими всеми цветами радуги.

Вблизи лужайки проезжая дорога разветвлялась в разные стороны. Начинаясь у дворца короля Визигаста на холме, она спускалась к югу, потом поворачивала к западу – к лесу и направо – к востоку, где терялась в степи. У самого перекрестка, в тени густого орешника стояли длинные дроги, запряженные тремя белыми лошадьми. На шести полукруглых обручах над дорогами был натянут парусиновый навес. В повозке рядами стояли корзины с сухим, отжатым бельем.

Около дорог спокойно прогуливались три девушки, но любое внимание, несомненно, привлекала бы лишь одна из них – статная, белокурая красавица. У нее была величественная фигура, полные плечи, красивой формы грудь и ростом она превосходила подруг на целую голову. В белом платье, открывавшем шею и дивные, изящные руки с ослепительно белой кожей, она напоминала мраморную статую, в которую искусный скульптор вдохнул живую душу. Эта юная красавица была дочерью короля Визигаста, несравненная Ильдихо.

Несмотря на свой высокий сан, королевна не носила драгоценных украшений – их с избытком заменяли жемчужины глаз и роскошные золотые волосы. Волосы Ильдихо были мягкие, как шелк, а обрамлявшая лоб коса в три пальца шириной украшала ее головку сказочной диадемой, будто выкованной из червонного золота.

Так стояла она у повозки, выпрямившись во весь рост, положив правую руку на хребет одной из лошадей, а левой прикрывая от солнца глаза, чтобы лучше следить за работой девушек у речки и на лужайке. Большие, золотисто-карие глаза Ильдихо, с твердым, смелым взглядом, напоминали глаза орлицы. Временами она закидывала гордую головку, поднимая тонко очерченные темные брови.

Внезапно передняя лошадь испуганно заржала, попятилась назад и встала на дыбы, а повозка сдвинулась с места и накренилась. Еще минута – и дроги вместе с конями полетели бы с откоса вниз. Подруги Ильдихо с громким визгом отскочили в сторону, и лишь королевна не растерялась, ухватив сильной рукой за повод вздыбившегося коня. Потом, когда лошадь успокоилась, она наклонила головку, рассматривая землю, и – увидев какой-то предмет в траве – наступила на него ногой, притопнув сандалией.

– Идите сюда! – крикнула Ильдихо подругам, отбрасывая ногой судорожно извивавшуюся змею. – Она издохла!

– Что это? – боязливо спросила одна из девушек, снова появляясь у повозки и прикрываясь темно-зеленым плащом.

– Медянка. Лошади их ужасно боятся, Ганна.

– И нельзя не бояться, – заметила другая из подросших товарок. – Мой двоюродный брат умер от укуса медянки. Знай я, что тут змея, то убежала бы еще быстрее.

– Их нужно давить ногой прежде, чем они изготовятся ужалить. Кто – кого, – спокойно сказала королевна. – Вон, взгляните: я наступила змее на шею у самой головы.

– Ильдихо! – в ужасе воскликнула Ганна, взмахнув руками. – О, госпожа! А если бы ты промахнулась? – жалобно прибавила другая.

– Я никогда не промахнусь, Альбрун. Кроме того, меня охраняет сама Фригга, благодатная жена.

– Конечно, не без ее помощи, – согласилась Альбрун. – Помнишь, Ганна, как прошлой весной при стирке белья я полетела в реку? Ты закричала и другие девушки тоже, а было нас человек двадцать. Меня уносило быстрым течением, как щепку, а вы бежали по берегу.

– Как же, помню! Но королевна не закричала: она прыгнула в воду и схватила тебя за плащ, вот за этот самый. Госпожа схватила тебя левой рукой и с помощью одной правой поплыла к берегу и вытащила тебя из воды.

– А когда я стала потом выжимать мокрые волосы, – вмешалась королевна с улыбкой, – то...

– ...нашла крепко прицепившуюся к ним раковину, которую мы теперь называем застежкой Фригги.

– В них попадается жемчуг, – перебила Ганну Альбрун. – Мы знали это и разделили половинки...

– ...и нашли там великолепную жемчужину, небывалой величины. Такая прелесть!

– Да, – серьезно сказала Ильдихо, слегка разглаживая рукою брови, – я нахожусь под покровительством Фригги. Моя мать умерла тотчас же после моего рождения, и мне было бы

трудно вырасти здоровой, понятливой и честной девушкой, если бы не богиня. Отец отдал меня под ее охрану, чтобы она заменила мне умершую мать. Недаром. Фригга была нашей славной родоначальницей! По вечерам, когда мы сидели у огня, отец постоянно рассказывал мне о ней, самой доблестной, самой достойной из женщин. И как часто потом, засыпая после его рассказов, я видела у своей постели прекрасную златокудрую богиню: она гладила белой рукой мой лоб и брови. Я, конечно, просыпалась от ее прикосновения, и мне чудилось, будто бы белая одежда мелькает у порога, исчезая в темноте. Сладкий испуг волновал мое сердце. Я вскакивала – и искры сыпались из моих волос. Это правда. Благодатная жена невидимо следит за каждым моим шагом, оберегая меня от зла... Однако довольно болтать! Примемся за работу!

– Нет, госпожа! – возразила Альбрун, встряхивая черными косами и останавливая Ильдихо за руку. – Ты слишком много трудилась сегодня.

– Кто поднял на повозку все эти корзины с бельем? – подхватила Ганна. – Они до того тяжелы, что мы вдвоем еле притащили их сюда, а ты управлялась одна.

– И не позволяла нам помочь тебе. Зачем так утруждать себя понапрасну?

– Вы у меня слабенькие, – ответила со смехом королева, – я боялась, что вы сломаетесь, поднимая корзины. Ну хорошо, раз вы устали, тогда на сегодня довольно. Внизу расстилают последние вещи. Подождем, пока они просохнут, а девушки пусть отправляются с повозкой домой. Они, наверное, проголодались. Зовите их сюда.

III

На берегу ручья и на лужайке вновь воцарилась тишина. Веселая болтовня молодых девушек исчезла вместе с кибиткой за широкими воротами ограды, окружавшей поселок на вершине холма. Ильдихо с двумя своими подругами бродили под зелеными стройными буками на опушке леса. Деревья росли здесь не густо и пропускали сквозь свои ветви яркие солнечные лучи, отбрасывавшие узорчатые подвижные тени на темно-зеленый бархатистый мох, который покрывал землю словно дорогой ковер.

Королевна срывала тонкие веточки, сплетала вместе их стебельки, и вскоре в ее искусных руках оказалась длинная гирлянда, которую она связала венком. Из чащи леса, поднимавшегося на отлогую возвышенность, с мелодичным журчанием вытекал ручей. В прозрачной воде ежеминутно мелькали темные спинки пескарей, мелькали – и исчезали в глубине. Их пугало приближение человека: даже легкие шаги девушек и лежащиеся на поверхность воды тени. Между тем грациозная стрекоза с длинными и узкими решетчатыми крылышками усеялась на золотистые кудри Ильдихо, будто упиваясь их ароматом, и долго не слетала прочь, хотя девушка продолжала идти вперед.

– Вот посланница Фригги! – вскричала Альбрун.

– Она принесла тебе привет от богини, Ильдихо, – подтвердила Ганна.

Но королевна замедлила шаги и молча указала пальцем вверх. Там, в густых ветвях высоких буков, раздавалось нежное воркованье.

– Дикая горлица! – прошептала Альбрун, а ее глаза заблестели от радости.

– Это ты первая услышала ее, госпожа! – заметила Ганна.

– Это предвещает...

– ...свадьбу, замужество, – с улыбкой подсказала Ганна, прижимаясь к белой руке своей госпожи. – Фрейя⁵ также явно благоволит к тебе, потому что дикая горlinka – ее любимая птица.

Ильдихо покраснела, опустила темные ресницы и прибавила шаг.

– Прислушайтесь! – произнесла она, как бы желая отвлечь мысли своих спутниц в другую сторону. – Сейчас раздался голос другой птицы – издалека, из самой чащи леса. Слушайте: вот опять!.. Отрывистые, но такие сладкие звуки, такие манящие, таинственные...

– Э! Да это поет черный дрозд с желтой грудкой, – объяснила Альбрун.

– Золотая птица, которая умеет сделать свое гнездо невидимым!

– Да, да! Ведь это не простая птица, а заколдованный царевич! Его обратили в дрозда за то, что он подсмотрел, как купалась Остара, прелестная богиня утренней зари и весны.

– Его заколдовали, чтобы он не смог рассказать о том, что видел.

– Однако в его пении до сих пор слышится затаенный восторг.

– Но девушка, родившаяся в праздник Вотана, может разрушить чары и освободить царевича...

– Если она нежно поцелует птичку в золотое темечко...

– Трижды!

– Поцеловать птицу! Но это ведь несколько не стыдно даже для самой целомудренной девственницы. Не так ли, Ильдихо? – спросила смуглянка Альбрун.

– Да, но ведь ты создавала бы при этом, что целуешь мужчину, прекрасного царевича! – поддразнила подругу веселая Ганна. – Когда он сбросит с себя перья и птичий клюв...

– Ну, тогда придет его очередь целоваться.

⁵ Фрейя – покровительница браков и любви, супруга Одура.

– Ах вы, болтуньи! – побранила их королева. – Разве можно говорить так громко о поцелуях между мужчиной и девушкой? Меня удивляет, как вам не стыдно!

– Э, что за беда, если о поцелуях говорится в шутку...

– Ведь мы пока не собираемся никого целовать...

– О ком умалчиваем с намерением!

– Ну да! А про царевича, обращенного в птицу, может толковать всякая девушка, и мечтать о нем, и...

Но Ильдихо нахмурила белый лоб и слегка сжала пунцовые губки. Ганна тотчас же заметила этот признак недовольства своей госпожи. Она потихоньку дернула свою подругу за курчавые спутанные волосы, чтобы та перестала докучать королевне.

– Подождите меня здесь, – сказала дочь Визигаста служанкам, указывая на причудливое ложе из мха. – Мой венок из буковых листьев готов. Мне надо увенчать им исток лесного ручья. Я дала такой обет.

– Лесной ключ посвящен Фригге, – серьезно заметила Ганна. – И по нему можно угадывать будущее. Пусть королева идет одна – ее не должен видеть при этом ничей глаз!

Ганна потянула за плащ любопытную Альбрун, которой так хотелось подсмотреть, что станет делать молодая госпожа у священного источника...

IV

Ильдихо быстро продвигалась вперед. Она была вынуждена не раз наклонять голову в золотой диадеме волос, чтобы не задеть за древесные ветви, переплетающиеся над узкой лесной тропинкой, едва заметной посреди сырого мха. Тропинка все дальше углублялась в лес. Деревья становились гуще, все скупее проникали под их зеленый свод яркие солнечные лучи. Вскоре Ильдихо достигла цели – истока священного ключа.

Место, откуда бил источник, вырываясь из таинственных, глубоких недр земли, было обложено красивым темно-красным песчаником. Сделали это предки короля Визигаста. Красота, прочность и вместе с тем мягкость песчаника напоминали те же качества бука – с его ласкающей глаз листвой и гибкими ветвями, недаром эти камень и дерево существуют вместе.

Бук – краса леса – невольно приводит на память миф о прекрасных дриадах, и недаром на верхнем центральном камне незатейливого свода, сооруженного без помощи цемента, была нацарапана руническая надпись, гласившая:

*Этот быстрый ключ
Живой воды
Оградил и посвятил
Богине Фригге
Фридгаст,
Удалых наездников-ругов
Благочестивый король.
Фригга, пошли благодать твою
Во дворец и в хижину
Нашим женищинам
Из рода в род.*

Камень с надписью был обвит венком из темного плюща и крупных лиловых колокольчиков. Венок лежал здесь уже целую неделю, но не завял, потому что его освежали мелкие брызги воды и влажные испарения. Ильдихо опустилась на колени, бережно положив рядом с собою на мох буковую гирлянду. Она осторожно сняла с центрального камня старый венок и разделила его на две половинки, слабо державшиеся вместе. Потом девушка поднялась и произнесла торжественным, серьезным тоном:

*Фригга, я вопрошаю!
Как этот венок, так и наше будущее:
Что случится с венком,
То будет с нашей жизнью и любовью.
Направо плыви «его» участь,
Налево – моя!
Фригга, я вопрошаю!*

Говоря таким образом, королевна осторожно спустила венок на воду и стала следить за ним с напряженным вниманием. Не долго держались вместе обе половинки: вскоре их разъединило быстрое течение ручейка. Правую половину венка унесло вперед, она закружилась, нырнула в глубину и пропала. Левая половина медленно поплыла вперед и остановилась, зацепившись за камень, выступавший со дна ключа. Напрасно течение пыталось оторвать гирлянду от этого препятствия: цепкий плющ прочно держался за него и лиловые колокольчики печально

поникли своими головками. Ильдихо так засмотрелась на свои цветы и так до того ушла в гадание, что застыла в неподвижной позе, опершись левой рукой на каменный свод и вытянув вперед голову. Углубившись в свои мысли, она не расслышала быстрых шагов, доносившихся из чащи леса. Правда, то была осторожная, легкая поступь опытного охотника, привыкшего подкрадываться и к зоркой рыси, и к чуткому тетереву. Кроме того, шаги подходившего замирали на мягком ковре зеленого мха.

Королевна заметила его приближение, лишь увидев на гладкой поверхности воды человеческую тень. Она тотчас узнала его и повернулась.

– Это ты! – радостно вырвалось у нее, и щеки ее запылали.

Остановившийся перед ней молодой воин оперся на древко охотничьего копья.

– К чему ты так присматривалась? Ах, да, вижу, вижу! Лиловые цветы зацепились за камень, а плющ умчало от них далеко-далеко. А знаешь ли, юная дева, почему это? У цветов нет воли; они должны покоряться посторонней силе, но людские сердца и сами люди – свободны. Я сейчас помогу бедным цветочкам. Впрочем, нет! Мое вмешательство не нужно. Гирлянда отцепилась сама и весело помчалась вперед. А вон там – видишь – у корней ивы колокольчики снова соединились со своим плющом. И вот – они опять поплыли дальше вместе.

– Фригга соединила их, – набожно прошептала Ильдихо. Ее благородное лицо прояснилось, голос зазвучал уверенней.

– А зачем ты пришел сюда? – спросила она юношу, отворачиваясь в сторону.

– Может быть, для того же самого, для чего и ты: для ворожбы.

Но он засмеялся, сверкнув белоснежными зубами.

– Не смотри же так упорно на зеленый мох у себя под ногами! Ты можешь любоваться им, когда я уйду, – прибавил юноша.

И он грациозным движением руки откинул со лба свои густые темно-русые кудри, ниспадавшие ему до самых бровей и почти закрывавшие большие темно-серые глаза. Низкая, с узкими полями войлочная охотничья шляпа, украшенная пушистым пером серебристой цапли, свалилась у юноши с головы, пока он пробирался по лесной чаще, и висела у него за спиной, болтаясь на синем ремешке. Правильно очерченные темные брови почти сходились над переносьем, что придавало его лицу веселое, чуть плутоватое выражение. Красивый, немного своенравный рот, обрамленный светло-каштановым пушком, казалось, постоянно улыбался против его воли. Молодой охотник был замечательно хорош собой, и королевна не могла отвести глаз от милого лица, когда решилась наконец взглянуть на юношу, уступая его мольбам.

– Ты пришел сюда для ворожбы? – спросила она, сомневаясь.

– Нет, я пошутил. Мне не надо больше пророчеств и гаданий, королевна... Я искал здесь... тебя!

– Но ведь я запретила тебе приходить! – произнесла Ильдихо, грозя ему указательным пальчиком. – Как ты смеешь подстергать меня у источника Фригги... точно дикую лань?

– Вот было бы прекрасно, если бы все лани запрещали охотникам отслеживать себя! – задорно возразил юноша, поглаживая свою едва пробивающуюся бородку. – О, Ильдихо, не упрямясь напрасно! Это не поможет! И Фригга, и радостная Фрейя желают нашего союза. И я сам его желаю, да и ты тоже.

Он хотел взять королевну за руку, но она отдернула ее с быстротой молнии.

– Ты не прикоснешься ко мне, королевич, пока...

– Пока отец Визигаст не даст своего согласия? Хорошо. Так знай же, что он дал мне его.

– Дагар! – Ильдихо краснела все больше и больше. – Такие слова не говорят в шутку!

– Нет, потому что они священны, – серьезно ответил юноша, сменив свой шуточный тон. – Я переговорил с твоим отцом сегодня поутру, отправляясь сюда. Он мне попался по дороге к дому. Меня же привело сюда... тайное предчувствие.

– Значит, отец вернулся с большой охоты?

– С охоты?.. С большой охоты? – в смущении повторил Даггар. Он судорожно сжал в правой руке древко копья.

– Нет! – продолжал он. – У нас только шли переговоры... насчет большой охоты, но она пока не состоялась... И состоится ли? Злой кабан с паршивой щетиной и налитыми кровью глазами еще не окружен, еще не попал в облаву. Пожалуй, не один охотник сложит молодецкую голову и будет смертельно ранен его клыками, прежде чем нам удастся одолеть чудовище.

– Даггар! – вырвалось у Ильдихо, дрожавшей всем телом.

И в этом возгласе невольно обнаружилась вся глубина ее любви.

– Да, Ильдихо, я догадался о замыслах твоего отца и сказал ему это прямо. Я упрямил его взять меня с собой, когда он пойдет... на Дунай. Там мы встретили других охотников... Только они не согласились примкнуть к нам. Они не хотят – им нельзя! На обратном пути я просил руки твоей у благородного короля ругов. Это сделано с ведома и согласия моего славного отца. Маститый герой ответил мне: «Да, но только после того, как...» И замолчал. Потом, немного спустя, король Визигаст продолжил: «Германский королевич, который не отгадал бы моей речи, не был бы достоин...» А я подхватил его мысль: «Превосходнейшей девушки во всей Германии». Он шепнул мне на ухо условие. Оно заключалось всего в трех словах. И он добавил: «Не раньше того. До тех пор ни одна невеста и ни одна честная девушка не могут считать себя в безопасности». Ты поняла, о чем я говорю.

– О, Даггар, какой ужасный, неслыханный риск! – И бедная Ильдихо закрыла глаза, содрогаясь от ужаса.

– Да, риск велик! Но кто совершит славный подвиг – удостоится величайшей награды: он заслужит благодарность целой вселенной. И тот самый день, моя Ильдихо, когда освободятся германские народы, будет днем нашей... Тише, однако!.. Слышишь ржанье лошади? В самой глубине леса! Верно, еще один охотник выслеживает дикую лань у источника?

Королевич быстро повернулся и взял копье наперевес.

– Ты никого не ждешь? – спросил он, напряженно всматриваясь в зеленую листву.

– Нет, – чуть слышно ответила Ильдихо, замирая.

V

Лошадиное ржание раздавалось с севера, где мимо леса пролежала проезжая дорога. Вскоре между густых кустарников показался всадник. Видя, что дальше ехать нельзя, он остановил коня – великолепного вороного жеребца – и спрыгнул на землю. Бросив поводья на шею лошади, незнакомец поднес ладонь левой руки к ее ноздрям: она опять заржала, мотнула головой и посмотрела умными глазами на своего господина.

Погладив вороного, всадник направился к юной паре, стоящей у ручья. Он казался лет на десять старше Даггара, был меньше его ростом и коренастее. Драгоценный византийский шлем покрывал его черные волосы, падавшие прямыми прядями на плечи и спину. Темно-красный плащ греческой работы, с изящной, но не слишком роскошной вышивкой золотом, был застегнут на мощной груди серебряной заколкой.

Воин подходил к Ильдихо и Даггару медленно, почти торжественной поступью.

– Опять он! – прошептала девушка с беспокойством, но без гнева.

Взгляд королевича, устремленный на воина, также был хотя и серьезен, но не выражал враждебности.

Подошедший почтительно поклонился Ильдихо. В его поклоне было столько благородства, достоинства, сдержанности и вместе с тем явного обожания, что красавица волей-неволей ответила ему легким кивком головы: так склоняется стройная лилия, когда ее касается ветерок.

– Простите, благороднейшая королевна! – заговорил молодой человек. Его голос был мягок и звучен, но с оттенком печали. – Вам может показаться, что я не случайно забрел сюда. Как видно, однако, вас уже отыскал здесь другой. Привет вам от меня, храбрый королевич скиров, искусный музыкант и певец!

Последние слова были произнесены им на чистом скирском наречии, хотя до этого он говорил на языке ругов. Даггар подал воину правую руку; тот взял и пожал ее левой рукой, так как правая была у него искалечена.

– В самом деле, мое появление здесь может показаться вам подозрительным, – продолжал он, – а между тем я пришел к этому источнику исполнить священный обет. Когда мне выпало на долю счастье провожать вас, королевна Ильдихо, а также и ваших подруг в рошу богини Фригги и присутствовать при жертвоприношении у ключа, я заметил, как усердно вы молились про себя. И я тоже задумал поручить самое заветное из моих желаний милосердию здешней богини.

– Вы – Фригги? – воскликнула Ильдихо резким тоном, надменно вздернув брови. – Что общего может иметь гунн с Фриггой, белокурой богиней наслаждения?

На лице воина отразилось чувство горечи.

Это было странное лицо, как бы составленное из двух различных половин, противоположных друг другу и не гармонирующих между собой. Низкий, уходящий назад, чисто монгольский лоб, обрамленный прямыми прядями черных, жестких волос, и вместе с тем благородно очерченные брови, под ними – в слишком глубоких впадинах над выдающимися скулами – оттененные длинными темными ресницами карие глаза, исполненные печали и страсти; слишком короткий, немного плоский нос, совершенно не гуннского типа тонкий, крайне выразительный рот; наконец – мягко, чересчур мягко закругленный для мужского лица подбородок с редкой растительностью.

Таковы были черты лица молодого поклонника прекрасной Ильдихо. Они были благородны и привлекательны, в них преобладало скорбное выражение, но отражалась чуткая, нежная душа. Даже гордая королевна невольно поддавалась тихому очарованию этой кроткой печали, когда взгляд воина с легким укором остановился на ней. Она раскаялась в своих резких словах, прежде чем он снова заговорил своим мягким, звучным голосом:

– Я почитаю богов всех народов нашего царства, точно так же, как стараюсь изучить их языки. Кроме того, вы забываете, благороднейшая королева... Конечно, вы происходите от самой белокурой богини, матери наслаждения. Это заметно даже и тому, кто не знает старинного сказания о вашем высоком роде... – Тут говоривший прикрыл темные глаза, которые осмелились бросить на Ильдихо чересчур страстный и влюбленный взгляд. – Но ведь и я тоже на половину происхожу из германо-готского племени: моя несчастная мать была из рода амалунгов. Значит, и я имею некоторое право на покровительство благодатной Фригги. Я хотел молить ее исполнить одно... мое единственное желание и принес ей в дар кольцо, намереваясь украсить им верхний камень свода над источником.

Молодой человек вынул из складок пояса, на котором у него висело оружие, широкий перстень. Солнечный луч пронзил в эту минуту зеленый свод из буковых ветвей и упал прямо на драгоценный камень, искусно вделанный в кольцо. Камень засиял несравненным блеском, отливая всеми цветами радуги. Ослепленная Ильдихо невольно опустила длинные ресницы, и даже зоркий охотничий глаз Даггара не смог вынести этого яркого сияния.

– Какое великолепие! – невольно воскликнул он. – Это ведь алмаз? Но какой крупный и блестящий...

– Его недавно прислал нам византийский император, – ответил воин. – Однако, – продолжил он, пристально всматриваясь в юную пару, – я вижу, что опоздал со своим даром благодатной Фригге. Но все равно! – с живостью прибавил печальный воин. – Я не возьму назад того, что посвятил белокурой богине. Мое кольцо не будет украшать ее святыню, потому что у меня больше нет ни одного желания в жизни. Но, белоснежное божество, возьми свою собственность и унеси ее прочь отсюда! Пускай никому не достанется мой перстень, и пусть никто не узнает, что я хотел вымолить за свой драгоценный дар!

И с этими словами воин бросил кольцо далеко в ручей.

– Что вы делаете? – воскликнул Даггар.

– Какая жалость! – огорченно сказала Ильдихо. – Это было огромное богатство.

– Да, девушка: это было богатство, заключавшееся в одном единственном желании... Будьте счастливы! Я сейчас уйду и никогда больше не загляну в жилище короля Визигаста.

Он поклонился обоим с печальным видом и пошел к оставленной лошади. Вороной конь встал на колена перед своим господином и, когда тот вскочил в седло, поднялся с радостным ржаньем на ноги.

Вскоре лошадь и всадник исчезли из виду.

Даггар задумчиво смотрел им вслед, опираясь на копье.

– Да! – произнес он наконец после долгого молчания. – Когда нам удастся известить старого вепря со всем его проклятым отродьем, лишь этого одного мне будет жалко от всей души!

VI

В то же самое время приблизительно на один день пути от последнего пограничного города Византийской империи Вминациума двигался к северу большой караван, состоящий из всадников, телег и пеших путников. Он шел в царство Аттилы по направлению к реке Тиссе. Авангардом, указывавшим дорогу, служил ему отряд гуннов, гарцевавших на маленьких, взъерошенных и тощих, но необыкновенно выносливых лошадках.

Гуннские всадники, охраняя караван, ехали также по обеим сторонам старой римской дороги, еще довольно хорошо сохранившейся. Путешественники медленно продвигались вперед. Хотя иностранцы в богатых одеждах имели превосходных лошадей, но тяжелые повозки задерживали движение, несмотря на то, что каждая из них была запряжена шестью, восемью и даже десятью мулами или лошадьми. Эти широкие фуры, похожие на тачки, были нагружены целыми горами клади, некоторые из них походили на громадные сундуки: четыре стенки из крепкого дубового дерева покрывались сводчатой железной крышкой, запиравшейся толстыми железными задвижками и замками. Другие фуры были старательно увязаны и покрыты непромокаемыми недублеными кожами и кожаными же фартуками для защиты от дождя и солнца.

На железных замках сундуков и на концах веревок, затянутых на клади, пестрели крупные печати. Каждую повозку сопровождали пешие воины в полном вооружении: люди высокого роста, белокурые, голубоглазые, с крепкими копьями, висевшими за спиной. Они держали себя серьезно, осмотрительно, зорко поглядывая во все стороны; их лица были спокойны, напряженны и между ними царил безмолвие, тогда как византийские рабы и вольноотпущенники, ехавшие верхом на переднем и заднем муле каждой повозки, беспрерывно болтали на ломаном греческом и латинском языках, перебранивались, спорили, смеялись.

Кроме погонщиков, караван сопровождало еще человек двадцать пять таких же рабов и вольноотпущенников на конях и пешком. Но едва кому-нибудь из них удавалось потесниться поближе к запечатанной клади, как копье молчаливого стража довольно чувствительно ударяло своим древком по спине римлянина.

Посреди каравана виднелось также несколько раззолоченных паланкинов, которые несли на своих плечах рабы. В боковом окне одних носилок, закрывавшихся подвижными деревянными ставнями, часто показывалась любопытная, с резкими очертаниями лица и черепа, голова. Когда мимо паланкина проезжал роскошно одетый и хорошо вооруженный всадник, человек, сидевший в носилках, непременно подзывал его к себе. Этот всадник, германский воин, по-видимому, руководил всем караваном; он часто останавливал своего скакуна, выслушивая доклады от авангарда или от разведчиков, подсакивавших к каравану с севера, потом отдавал краткие, четкие приказы.

– Остановись же, Эдико! Одно слово! Только одно слово! – крикнул ему по-латыни человек из паланкина.

Но всадник молча проехал мимо. Тяжелые фуры медленно, с трудом поднимались на довольно крутую возвышенность. Двое всадников в блестящем византийском одеянии остановились на ее вершине, значительно опередив караван. С высоты открывался прекрасный вид на окрестности. Всадники спешили и стали разговаривать, прохаживаясь взад и вперед.

– Какая безотрадная пустыня! – со вздохом заметил старый и, очевидно более знатный из них, мужчина лет шестидесяти – с серебристыми волосами, выбивавшимися из-под круглой войлочной шляпы и придававшими его лицу еще более внушительный вид.

– На всем пространстве, которое можно окинуть взглядом, – продолжил он, протягивая руку к горизонту, откинув полу роскошно вышитого золотом плаща, – ни следа человеческого жилища! Нигде, даже вдаль не видно ни башни, ни городских укреплений. Хоть бы крыша какого-нибудь здания или дымок над двором земледельца. Ни деревни, ни крестьянской избы,

ни пастушечьего шалаша. Деревьев, даже и тех нет, одни кусты, одна безлюдная степь, покрытая сухой травой, – пустыня и болото! Как непривлекательно царство гуннов!

– Да, патриций! – ответил спутник византийца, кивая головой с видом подавленного гнева. – Дикие варвары превратили эту страну в пустыню. Она была богата и процветала несколько десятков лет назад. Тут были прекрасные города, веселенькие виллы, окруженные фруктовыми садами и виноградниками. Здесь в изобилии росли всевозможные плоды и родился знаменитый синий виноград, дающий искрометное вино, – недаром римские виноделы селились тут еще со времен Пробуса. На необозримых полях вызревала золотистая пшеница, волнуясь под ветром, как необъятное море. Все это была римская земля, на которой обитали племена великого готского народа: остготы, гепиды, руги, скиры... Они храбро охраняли свою страну и прилежно возделывали почву. Во время моих странствий я не встречал лучших земледельцев. Городская жизнь им была не по душе. Один аллеман назвал при мне город западней, где человек бывает лишен воздуха, свободы, движения! Другое дело – быть свободным хлебопашцем, который трудится для себя, своей верной жены и белоголовых ребятишек. В этом деле с ними не могли соперничать наши ленивые рабы и колонисты, потому что работали из-под палки для ненавистного господина, стараясь делать как можно хуже и сберегая свои силы. Двадцать лет тому назад я проезжал этой же дорогой, когда императрица Пульхерия послала меня к королю остготов. В то время здешняя страна кипела изобилием!.. Но с тех пор ее поработили гунны...

– Пускай бы только поработили, но зачем разорять то, что стало их собственностью? – вздохнул патриций. И добавил немного спустя: – Кто знает, может быть, их владычеству не будет предела? Зачем же они все уничтожают?

– Потому, что таково их назначение, Максимин. Потому, что они не могут иначе! Видели ты когда-нибудь саранчу, опустошающую поля? Цветущая плодородная местность после их нашествия надолго приобретает вид безотрадного запустения.

– Отвратительный народ!

– А наши цари в Византии и Равенне уже десятки лет ухаживают за ними, льстят им, стараются привлечь их на свою сторону богатыми дарами! Им уступают все больше и больше земли, прежде это делалось даже совершенно добровольно. А с какой целью? Для того чтобы вытеснить отсюда с помощью гуннов трудолюбивых германцев! Между тем не значит ли это, что они призывают волков в овечье стадо в острастку орлам?

Оба византийца надолго замолчали, всматриваясь в бескрайнюю, безжизненную степь.

VII

Молчание нарушил патриций Максимин, устало махнув рукой.

– Мне до сих пор не верится, – сказал он, – что я, по воле судеб, попал в страну гуннов. Я! Честный, порядочный, не виновный ни в каком преступлении римский гражданин!

– Мне нужно дивиться еще больше тебя, – с улыбкой ответил его спутник. – Я – сын моего отца, вынужден отдыхать на этом холме, обвеваемом степными ветрами, вместо того, чтобы мирно сидеть у себя дома в Византии, в уютной рабочей комнате, описывая мои прежние путешествия в качестве посланника. Очень не хотелось мне предпринимать эту новую поездку, да еще куда? К Аттиле! К грозному царю гуннов, которым матери пугают детей от Тибра до Босфора. Кто знает, вернусь ли я отсюда назад к моим запискам, свиткам и дневникам? Может быть, им напрасно придется ожидать меня, лежа в образцовом порядке на полках библиотеки! Гуннский царь не раз навсегда удерживал у себя посланников, которые ему нравились, а иногда и тех, которые не успели ему угодить. Но им обыкновенно приходилось недолго томиться в неволе.

И говоривший с грустной покорностью сжал губы, окончив свою полушутливую речь.

– Прости меня, друг Приск! – ответил патриций. – Это я буду виноват, если книга о твоих путешествиях с посольской миссией, так сильно интересующая всех образованных людей в Византии, не будет доведена до конца.

– Вот как! Значит, ты насчитываешь всего семнадцать образованных человек в нашей столице, то есть настолько образованных, что они не ограничились одними похвалами, но и купили первую часть моего обширного труда!

– Да, я буду виноват, – продолжал Максимин, – если вторая часть твоего сочинения не допишется до конца и если блестящий византийский ритор не будет больше очаровывать слушателей своим мощным словом в зале красноречия. Но, по крайней мере, я разделю его участь, живой или мертвый!

– Ну, в этом мало утешения, сенатор!

– Видишь ли, когда государь назначил меня посланником, а ведь я вообще не пользуюсь особенной милостью во дворце с золотыми куполами...

– Само собой разумеется, патриций! Твоя честность колет глаза. Ты неподкупен, а что еще важнее – не желаешь подкупать других. Кроме того, неужели ты счел свою настоящую посольскую миссию к степному волку знаком особого монаршего благоволения?

– Ну, конечно нет! И потому, прежде всего, я написал духовное завещание. А затем подумал: «Нужно непременно взять с собой друга Приска. Иначе я умру от скуки во время длинного путешествия, а не то сойду с ума в приятном обществе других членов посольства или взбешусь от сознания всемирного бедствия, жалкой беспомощности в этой совершенно неизвестной мне стране, пустынной и варварской. Между тем Приск – прекрасно владеющий иностранными языками, желанный спутник всех посланников, знакомый со всеми частями света – знает также и землю гуннов. Приск должен сжалиться над своим несчастным другом или, по крайней мере...

– Благодарность к тому, кто спас ему жизнь и честь, возьмет в нем верх над всеми прочими соображениями! – с живостью подсказал обычно сдержанный, рассудительный ритор, беря за руку сенатора. И он продолжал с жаром: – Когда, года два тому назад, это воплощение низости...

– То есть Хризафиос!

– Да! Когда гнусному евнуху не удалось уговорить меня, чтобы я по возвращении с посольством из Персии выставил перед императором нашего пограничного наместника как человека образцовой честности...

– Двоюродного брата Хризафиоса!

– Против которого у меня были собраны неопровержимые улики, тогда Хризафиос уверил государя, будто я подкуплен персами и потому добиваюсь удаления ненавистного им, за свою добросовестность, правителя пограничной области. Тотчас после этого доноса меня бросили в тюрьму бессмертных...

– Почему ты называешь так городскую темницу?

– Потому, что никто не выходит оттуда смертным!.. Тогда ты, не побоявшись всемогущего евнуха, поручился за меня всем своим имуществом. Я был выпущен на свободу и благодаря тебе успел оправдаться, вполне доказать свою невиновность. Никогда не забуду я твоего благодеяния, Максимин. И если Аттила действительно разинет на тебя свою волчью пасть, которой кормилицы пугают детей, то клянусь: я положу туда собственную голову. Но почему император назначил тебя, именно тебя в посольство к гуннам? С этим нам нужно еще хорошенько разобраться. Скажи, как было дело?

– Все вышло довольно странно. Часа в два пополудни меня неожиданно разбудили рабы: Вигилий желал безотлагательно говорить со мной. Я спросил, не сошли ли они с ума, не рехнулся ли почтенный Вигилий или я сам? Ты знаешь, что презираю этого негодяя, как никто другой...

– Исключая Хризафиоса, – напомнил ритор.

– ...таков приказ государя, – отвечали мне, – и через минуту противный человек уже стоял у моей постели, показывая при свете ночника письмо, написанное рукой евнуха и скрепленное подписью императора. Там говорилось, что я должен на следующий день, то есть сегодня, отправиться в Паннонию, царство гуннов, с Вигилием и посланником Аттилы, чтобы передать последнему ответ императора.

– Это нелегкое поручение. Тут надо снести на себе несколько центнеров позора, – проворчал ритор.

– Пурпуровые царские чернила незапечатанного письма не успели еще высохнуть: я понял, что во дворце происходило ночное совещание между императором, Хризафиосом, Вигилием и – что очень странно! – в нем участвовал еще один человек...

– Кто? – спросил удивленный Приск.

– Эдико.

– Посланник Аттилы? Откуда это тебе известно?

– От Вигилия. Хотелось бы мне узнать, какими путями Вигилий без всякой заслуги со своей стороны поднялся так высоко во мнении императора и самого евнуха.

– О, у него есть неоценимые достоинства!

– А именно?

– Его сделали переводчиком, так как он, кроме латинского и греческого, знает также готский и гуннский языки. У него способность к филологии, кроме того, природа одарила Вигилия замечательной изворотливостью, а он развил в себе это качество до совершенства. Теперь этот человек без запинки врет, по крайней мере, на шести языках. Отчасти по собственной охоте, отчасти по внушению Хризафиоса.

– Итак, Вигилий нечаянно проболтался об участии Эдико в переговорах. Когда же я стал отказываться от предложенной поездки и спросил, как он смеет принуждать меня к ней, негодяй воскликнул, пожимая плечами: «Неужели ты думаешь, что я сам избрал тебя своим спутником – ради собственного удовольствия? Тебя назначили по настоянию Эдико». – «Ведь он меня вовсе не знает», – возразил я. Вигилий ответил: «Разумеется, но он потребовал, чтобы самый почтенный из всех византийских сенаторов последовал за ним ко двору царя гуннов».

– И на тебя указали как на самого почтенного человека в столице, – досказал Приск.

– И еще одно: в противном случае, – так сказал Вигилий, – Эдико не взял бы на себя ответственность за столь опасное поручение.

Ритор с сомнением покачал головой.

– Вероятно, Вигилий все врет, – хмуро сказал он.

– Я сам так думал и высказал свою мысль посланнику Аттилы, когда нам удалось остаться с глазу на глаз. Ведь он не гунн, а германец, да и человек недюжинный.

Приск кивнул головой в знак согласия.

– Однако и непроницаемый, – прибавил он.

– Оказалось, что Вигилий на этот раз не соврал. Аттила действительно потребовал посланника сенаторского ранга. Я спросил у Эдико прямо: «Ты выбрал меня за мою правдивость?» – «Это ты узнаешь, когда придет время!» – ответил германец.

– Совершенно верно: когда придет время! – повторил позади друзей чей-то сильный голос.

Они с удивлением обернулись и увидели перед собой Эдико.

– Вы скоро узнаете все и поймете причину моих действий. А до тех пор будьте осторожнее, когда вздумаете секретничать, – предупредил он. – Опасайтесь не меня... а других.

Германец повернулся и пошел вниз, к подножию холма, навстречу поднимающимся повозкам. Там же стояла его лошадь, поджидая своего господина.

Вскоре он медленно проехал мимо полуоткрытых носилок.

– Эдико, Эдико! – слышался оттуда шепот. – Ах, эта проклятая боль в бедре! Как досадно, что она мешает мне сесть на коня, и я принужден оставаться в этом дурацком ящике! Мне необходимо переговорить с тобой еще о многом. Пожалуйста, дай мне сказать тебе хоть одно слово!

– Молчи, неосторожный! – отвечал Эдико не останавливаясь. – Оба твои спутника и без того смотрят на меня подозрительно. Неужели ты хочешь погубить нас обоих еще до исполнения великого плана?

VIII

Медленно наступали сумерки после долгого летнего дня. Путешественники не успели еще дойти до брода через Дриссу – незначительного притока Тиссы, где они собирались заночевать, как от конвоировавших левый, западный фланг каравана к Эдико прискакало несколько всадников-разведчиков с кратким донесением. При этом разведчики оживленно жестикулировали, указывая своими длинными копьями и убойными по силе короткими нагайками из твердейшей буйволиной кожи – привилегированным оружием гуннов наряду со стрелами и луком – в направлении к вечернему солнцу, красно-багровый диск которого напоминал вогнутое, сплющенное в ширину зеркало; его окутывала дымка желтовато-серых туч, отнимая у дневного светила весь его блеск и сияние.

Эдико спокойно смотрел вслед гонцам, скакавшим назад с его распоряжениями. Вдруг к нему приблизился молодой римлянин, торопливо подгонявший свою лошадь.

– Эдико, господин, – робко заговорил он, – мой отец, Вигилий, послал меня к тебе. Он встревожился, видя, что сюда то и дело скачут гонцы. Один из готов, стерегущих повозки, говорит, будто бы на западе заметили облака пыли, поднимаемые отрядом всадников. Отец боится... не разбойники ли это?

– В царстве Аттилы? Нет, мальчик. Успокой храбреца. Ты разве не видел, с тех пор как мы перешли вашу границу, висящих на деревьях по краям дороги скелетов, а кое-где и не сгнивших еще трупов? Их нам встретилось немало.

Мальчик кивнул головой, содрогнувшись от ужаса.

– Да, ваш повелитель придумал страшное украшение проезжей дороги в своем царстве! При нашем приближении от трупов поднимались целые стаи воронов. Вон там, за поворотом, висят вместе трое – римляне, судя по наружности и одежде.

– Ты угадал: то были два разбойника и римский шпион. Мой государь умеет награждать людей по заслугам. Они были схвачены на месте преступления. Их судили, доказали виновность, приговорили к казни и немедленно исполнили суровый приговор.

– Однако ваше правосудие требует кровавых жертв! – заметил юноша.

– Зато оно применяется быстро и справедливо, – заключил Эдико. – В этом тебе еще не раз предстоит убедиться, мальчик.

– Но... если к нам приближаются не разбойники, то кем же могут быть эти люди?

– Увидим, когда наступит вечер.

Так и случилось.

Едва Эдико довел путешественников до брода через реку, где усталые лошади получили и воду и корм, как перед арьергардом показались первые всадники встречного каравана, направлявшегося с запада на север.

Авангард в нем составляли, как и в караване византийцев, гунны, за ними следовали знатные римляне, а потом ехали тяжело нагруженные фуры, хотя и в меньшем числе.

Максимин и Приск медленно приблизились к вновь прибывшим.

– Комес Ромул! – радостно воскликнул сенатор, спрыгивая с седла.

– Друг Примут! – удивился Приск, следуя примеру патриция.

Те, к кому относились эти приветствия, также поспешили сойти с лошадей, и все четверо дружески поздоровались между собой. Приехавшие мужчины были в богатых римских одеяниях.

– Я полагал, что ты в Равенне, Ромул! – заговорил Максимин.

– А я воображал, что ты сидишь в своем Виридуме, Примут, – сказал Приск. – Позволь спросить, зачем скитается в степях Паннонии префект Норикума?

– А я думал, что вы оба находитесь в Византии, – заметил комес Ромул, который был немногим моложе Максимиана.

– И вдруг судьба неожиданно свела нас здесь! – со вздохом произнес префект Норикума, высокий, статный, мужественный воин.

– Да, нечего сказать: приятнее было бы встретить старых друзей при других обстоятельствах... – подтвердил Максимин.

– А тем более римских сенаторов, – добавил Ромул.

– Но наше свидание... – вставил Приск.

– ...Далеко не радостно! – договорил префект.

– Скверно на душе.

– Вероятно, мы посланы с одинаковой целью?..

– И покрыты одинаковым позором.

– Вас послал император Феодосий к Аттиле... – начал Примут.

– ...С просьбой о мире! – подсказал Максимин. – А вы едете от императора Валентиниана...

– Чтобы ответить на все требования...

– Полным согласием! – закончил Приск.

– И уплатить всякий налог... – с отчаянием продолжил префект.

– Какого потребует варвар! Там в повозках...

– Драгоценная парча и ткани, серебро и золото – условленная дань за истекший год.

– Так вы должны заключить мир на каких бы то ни было условиях?

– Не может быть! – усомнился ритор.

– Даже не щадя своей чести! – ответил Примут.

– Наша честь давно поругана! – с гневом заметил Приск.

– О, Максимин, внук Антонины! – горестно воскликнул комес.

– Ах, Ромул, победитель вандалов! – отозвался патриций.

– Могли ли мы думать, что нам придется вместе идти на поклон к предводителю гуннов! – сказал префект.

– Унижаться перед кровожаднейшим из варваров! – добавил Приск.

– У меня есть еще отдельное поручение, – мрачно заговорил Максимин после непродолжительной паузы.

– И у меня тоже, – подхватил Ромул.

– Конечно, тайное! – смеясь заметил Приск.

– Да, его нужно держать в строжайшей тайне! – подтвердил Примут.

– Если мне не удастся ни золотом, ни унижениями отклонить гунна от новой кровопролитной войны, я должен внушить ему...

– Уж конечно не то, что Западно-Римскую империю легче завоевать и ограбить, чем Византию? – вмешался комес.

– В том то и заключается наше главное поручение, – подтвердил ритор.

– Не трудитесь напрасно, – с гневом возразил префект, – потому что нам приказано убедить Аттилу в беззащитности и бессилии Византии, которая к тому же богаче Равенны, а значит, представляет и более лакомую добычу.

– О, позор! – с негодованием сказал патриций.

– Горе нам! – громко воскликнул комес.

Максимин ударил себя рукой по лбу, Ромул прижал ладонь к сердцу, префект гневно потряс головой, а ритор тихо застонал, словно подавляя душевную боль. Во время своего печального разговора они дошли до обоза византийцев. Их лица выражали отчаяние.

Собеседники не замечали, что за ними подсматривает высокий мужчина, скрытый от их глаз грузенной тюками повозкой. Этот человек кивнул головой, покрытой тяжелым шлемом, и тихо прошептал на готском языке:

– Что, римляне, видно, позор слишком сильно гнетет вас? Но вы вполне его заслужили, а скоро вас ждет неумолимая кара! Погодите, то ли еще будет дальше, римские собаки!

IX

Часа два спустя четверо друзей довольно уютно устроились в походной палатке. Земля под нею была устлана в несколько рядов драгоценными пушистыми коврами, сверху свешивалась лампа, разливавшая приятный свет; рабы, приставленные для услуг знатным иностранцам, принесли ужин и тотчас же удалились. Расположившись на мягкой подстилке, путешественники сами передавали друг другу кувшины с вином и водой, наполняя изящные кубки. Эдико зашел к ним спросить, не желают ли они еще чего-нибудь, и затем вежливо откланялся. Вигилий лежал в другой палатке, страдая ломотой в бедре. Болезнь, а быть может, сознание того, что остальные члены посольства не расположены к нему, заставляли его держаться в стороне. За ним ухаживал его сын.

Посланники Западно-Римской империи вкратце сообщили подробности своего путешествия.

– С нами не случилось ничего особенного, – заметил префект. – Мы шли почти все время по римским владениям, придерживаясь старой военной дороги, по которой маршировали наши легионы. Только недавно вступили мы в царство Аттилы. Однако, тотчас после перехода границы, у нас случилось маленькое приключение.

– Сильный отряд гуннов, – продолжал за него комес, – подскочил к нам, угрожая и требуя, чтобы мы немедленно остановились. Гуннские воины потрясали перед нами оружием с самым свирепым видом. Делать нечего – пришлось уступить. Тогда к нам обоим подъехал начальник отряда, размахивая обнаженным мечом, и закричал на латинском языке: «Аттила прогневался на вас и говорит устами своего слуги: он больше не желает видеть посланников Валентиниана! Что же касается подарков и денег, которые вы везете, то я требую их немедленной выдачи! Ну, живее! А не то я срублю вам головы!» И он сверкнул клинком меча перед нашими глазами. Однако префект ничуть не испугался, – продолжил Ромул с видимым удовольствием, – и отвечал предводителю шайки: «Привезенные сокровища Аттилы получит только из моих собственных рук, как дары, от тебя же это будет добыча грабежа, – теперь делай как знаешь, варвар!» – «Хорошо, римлянин, – воскликнул гунн, опуская оружие, – ты молодецки выдержал испытание. Я донесу о твоей храбрости моему властелину!» С этими словами он помчался обратно к востоку. Затем мы встретили новый отряд гуннов, которому было приказано сопровождать нас к Аттиле. Вот и все наши дорожные приключения.

– А вы? – спросил префект. – Вы ведь уже давно вступили на землю гуннов. Расскажи, ритор, о своем путешествии, но прежде налей мне в кубок вина с водою. Как вы доехали сюда?

– Не без затруднений, – отвечал Приск, подавая другу напиток. – Нам только через двадцать дней удалось достичь Сардики, отстоящей от Византии всего на тринадцать дней пути: до того тяжело было тащить с собою наше золото и наш позор, которые мы везем на десяти фурах, чтобы покорно сложить свою дань к ногам притеснителя!

– В Сардике, почти наполовину выжженной гуннами, – продолжил Максимин, – мы пригласили Эдико и других спутников к себе на вечерний пир.

– Но, к сожалению, – прибавил ритор, – нам пришлось у них же позаимствоваться говядиной и бараниной. Лишь приготовление кушаний взяли на себя наши повара.

– За ужином произошел спор. Вигилий, вероятно, слишком усердно наугощался моим луканским вином...

– Или, может быть, притворился пьяным, – вставил Приск.

– Начал прославлять Феодосия, превознося его, как бога, перед Аттилой, которого назвал обыкновенным человеком.

– Кончилось тем, что Максимино пришлось успокаивать раздраженных гуннов, – исключая Эдико, не проронившего ни слова, – и раздать им в подарок множество одежд и драго-

ценных камней, привезенных из Индии. Нечего сказать, бог Феодосий обошелся нам гораздо дороже того, что он стоит на самом деле!

– Потом мы прибыли в Наиссус.

– То есть на то место, где некогда находился Наиссус. Гунны сровняли его с землею.

– Там все было пусто. В развалинах базилик приютилось несколько раненых и больных, молящих Провидение о пище и спасении или о смерти, что – по всем вероятностям – было ближе к ним. Там же валялось множество трупов.

– Мы, нечестивые грешники, поделились своими скудными запасами хлеба с этими несчастными, доведенными до последней степени отчаяния.

– И поехали дальше.

– Через варварски опустошенную страну!

– Мы свернули в сторону от военной дороги.

– Потому что там нельзя было дышать.

– Почему? – спросил комес.

– От зловония гниющих трупов.

– Они валялись целыми тысячами, непогребенные, заражая воздух.

– То были убитые гуннами в сражении или настигнутые ими и безжалостно умерщвленные беглецы.

– Начиная от Наиссусских гор мы двигались в обход – и так до самого Дуная.

– Гунны согнали местных жителей, чтобы переправить нас на плотах на противоположный берег реки.

– Меня поразило огромное количество этих первобытных судов.

– Для переправы наших тяжелых повозок с кладью пришлось связывать по несколько плотов вместе.

– На наш вопрос, почему здесь собрано такое множество лодок, нам ответили, что Аттила намерен в скором времени устроить большую охоту.

– Я догадываюсь! – заметил префект. – Только дичью...

– Послужим дикому гунну мы, несчастные римляне.

– Итак, нас перевезли на левый берег Дуная, приблизительно стадий на семьдесят дальше.

Тут, на невысоком холме мы и разбили свои палатки.

– Мы устроились на ночлег. Невольники выпрягли из повозок лошадей, разложили костры для приготовления пищи.

– Как вдруг к нашему лагерю подскочило несколько всадников. Эдик уехал вперед за день до этого происшествия, не объяснив нам причины своего удаления. Подъехавшие гунны с бранью погнали нас с холма, приказывая расположиться у его подножия – на болотистой почве.

– Почему? – спросил Ромул.

– Всадники кричали: «Сам Аттила недавно стоял лагерем внизу в долине... значительно дальше, вниз по реке... но все-таки вам не подобает!»

– Что не подобает? – удивленно спросил префект.

– Чтобы наши ноги стояли в настоящее время выше того места, где покоилась голова владыки вселенной. Так объяснили нам гунны. И действительно, волей-неволей пришлось покориться – все наши возражения ни к чему не привели.

– Мы были вынуждены опять сложить наш скарб и перетащиться с обозом в другое место, оказавшееся несравненно хуже.

– Но зато Аттила прислал нам только что пойманной рыбы и несколько быков.

X

– Дерзость этих степных грабителей неслыханна и невыносима! – проворчал ритор. – Несколько лет назад мне пришлось сопровождать такое же грустное посольство из Византии к гуннам. Лишь только мы успели миновать Моргус, как наткнулись на гонцов Аттилы, посланных нам навстречу. Эти черномазые бродяги отказались даже приветствовать нас и вести переговоры в палатках! Переводчик дал нам от их имени такой ответ: «Гунн ведет переговоры только на шести ногах». Мы совершенно не поняли этой загадки дикарей, пока она не объяснилась наглядно: гонцы не сошли со своих коней! Все наши настояния оказались тщетны. Они хотели толковать с нами не иначе, как сидя верхом! Между тем нам показалось совершенно невозможным толковать с ними, глядя снизу вверх. Оставалось только, в виду непреклонного упорства гуннов, не думавших слезать с седла, самим опять сесть на лошадей. И таким образом, императорские послы, римские государственные деятели, консулы, риторы были вынуждены разговаривать с варварами – сидя на конях, словно и мы принадлежали к какой-то другой шайке подобных бродяг. Содержание наших переговоров было столь же унижительно, как и внешняя их форма: мы обязались выдать гуннам всех беглецов, скрывшихся под нашу защиту. А ведь между ними было двое королевичей из племени, враждебного Аттиле. Этих юношей звали Аттака и Мамо. Гунны распорядились немедленно распять их перед нашими глазами! Кроме того, мы согласились не заключать никаких союзов с врагами Аттилы и обещали увеличить ежегодную дань – от римского императора предводителю варваров! – до семисот фунтов золота, тогда как прежде она была вполовину меньше. Гунны потребовали, чтобы мы подтвердили обещание торжественной клятвой: жизнью императора над крестом и Евангелием. А сами дали свою, языческую клятву: они зарезали лошадь, распоролы ей живот, погрузили по локоть обнаженные руки в трепещущиеся внутренности животного, а потом подняли их вверх и не опускали до тех пор, пока не обсохнет кровь!

– И с такими гнусными скотами мы вынуждены вести переговоры! – с гневом произнес префект.

– Пожалуйста, расскажи, патриций, еще что-нибудь из твоего нынешнего путешествия, – попросил Ромул.

– Переплыв Дунай, – начал Максимин, – мы переправились еще через две реки: Тиг и Тифис, и также на выдолбленных лодках и плотках, которые гунны везли с собой на повозках или на нескольких лошадях, связанных вместе.

– По приказу наших провожатых, – продолжал Приск, – разославших повсюду своих быстрых как ветер гонцов, окрестные крестьяне должны были доставлять каравану съестные припасы из отдаленных деревень и степных хуторов. Вместо пшеницы и ржи бедные земледельцы питаются здесь просом, а вино заменяет им питье из меда диких пчел. Есть еще и другой странный пенистый напиток, приготовленный из перебродившего отвара полусгнившего ячменя, который называется у них «камус». Следующая ночь прошла для нас неблагоприятно. После утомительного дневного перехода мы расположились на ночлег на берегу небольшого озера, чтобы иметь под рукой воду для себя и лошадей. Но едва невольники успели разбить шатры, как поднялась страшнейшая гроза с сильным ветром и проливным дождем. Нашу палатку сорвало с места и снесло в озеро со всеми распакованными в ней дорожными принадлежностями. С перепугу мы стали бросаться в разные стороны, спасаясь от бури, пока в крошечной темноте не попали в болото. На наши крики о помощи сбегались соседние жители. А дождь тем временем перестал, так что они смогли зажечь длинные толстые стебли камыша, служившие им вместо факелов, и при таком освещении нас кое-как вытащили из болота. Спасли также и часть багажа, унесенного в озеро. Мы пошли греться в жалкие мазанки поселян.

– Но следующий день вознаградил нас за эти передряги, – добавил Максимин. – Мы достигли поместья вдовы умершего Бледа.

– А кто это такой?

– Брат Аттилы, разделявший с ним трон, но умерший в молодые годы.

– Но вдовы его мы не видели: Аттила запретил ей разговаривать с мужчинами.

– Вероятно, у него есть на то свои причины, – сухо заметил ритор.

– Однако она пригласила нас в один из своих домов, послала нам в изобилии всякой пищи и – по обычаю гуннов – прекрасных рабынь.

– Мы охотно приняли кушанья, с благодарностью отклонили живые дары и послали вдовствующей царице в подарок три серебряные чаши, несколько теплых одеял из красной шерсти, индийский перец, финики, византийское печенье и другие лакомства, до которых так падки все женщины. Потом, пожелав ей благословения свыше, снова пустились в путь. Однажды нам пришлось свернуть с удобной военной дороги, которая была к тому же наикратчайшей, и пробираться окольными путями по степным проселкам. И все потому, что нам приказали очистить дорогу для одного посольства от подвластного Аттиле народа. Кажется, то шли послы германского племени гепидов.

– Да, это одна из больших групп храбрых готов, – пояснил Приск. – Когда же мы стали возражать против такого распоряжения, то гунны, пожимая плечами, ответили нам: «Если ваш император покорится великому Аттиле, то и его посланникам будут оказывать больше чести!» Вот так. Это было неделю тому назад. С тех пор с нами не случилось ничего примечательного.

– А что заставило вас отправиться из Равенны в царство гуннов? – спросил патриций.

– Та же самая горькая необходимость, что и прежде! – отвечал Ромул. – Только она облекается во все новые формы. Жестокий враг знает наши слабости и свою силу и не устает злоупотреблять собственным превосходством, чтобы притеснять нас, изнурять налогами, унижать и мучить.

– Он не упускает ни малейшего повода насолить нам, – прибавил префект.

– На этот раз все дело в двух жалких золотых чашах, ради которых комес и префект Норикума были вынуждены отправиться в эти степи и терпеть всевозможные унижения.

– Один римлянин, по имени Констанций, подданный Аттилы, во время осады Сирмиума гуннами получил от городского епископа золотые церковные сосуды, чтобы выкупить из плена самого епископа и других граждан, если город не устоит против неприятеля. Так и произошло: Сирмиум пал. Однако римлянин нарушил свое обещание: он увез сосуды в Рим и заложил их там богатому меняле Сильвану. После этого, как ни в чем не бывало, Констанций вернулся обратно к Аттиле. Тот, узнав о мошеннической сделке, приказал распять его и теперь требует от нас...

– ...выдачи Сильвана, который будто бы присвоил себе или утаил золотые сосуды, принадлежащие к числу добычи, захваченной после разгрома Сирмиума и, следовательно, являющихся собственностью Аттилы.

– Как же мы выдадим совершенно неповинного человека?

– А между тем царь гуннов угрожает нам войной в случае отказа.

– Он мог выступить против вас в поход даже и тогда, если бы ему вдруг не понравился нос вашего императора, – иронично заметил Приск.

– И мы вынуждены умолять варвара, унижаться перед ним, стараясь задобрить его дарами, чтобы он отказался от своего чудовищного требования!

– А так как и наша миссия настолько же унижительна, – с глубоким вздохом произнес Максимин, – то будем терпеливо переносить вместе ожидающий нас позор.

– Да, но иметь сотоварищей в подобном несчастье вовсе не утешительно, вопреки словам поэта.

– Равенна и Византия покрыты одинаковым позором!

– Однако лампа наша догорает... Постараемся заснуть, – посоветовал благоразумный Приск. – Пусть нам приснится былое величие Рима и благодатный сон принесет нам забвение от безотрадной действительности!

XI

Спустя трое суток оба посольства, соединившиеся в дороге, прибыли к жилищу Аттилы или, вернее, к его главному лагерю, который прославлялся гуннами, словно земная обитель богов.

Просторно разбросанный поселок, состоящий из множества больших и маленьких деревянных домиков, с плоскими крышами и наружными галереями, был лишен каких-либо земляных и иных укреплений. Еще издали можно было различить дом Аттилы – посреди множества барakov и походных палаток он был, как пчелиный улей, окружен несметным роем снующих туда и сюда конных и пеших гуннов, для каждого из которых было величайшим счастьем лицезреть, хотя бы снаружи, жилище своего могущественного и всемогущего владыки.

Эдико с трудом очистил дорогу в этой тесной шумной толпе приезжим римлянам и довел их до «первого кольца стражи», так как круглое здание дворца Аттилы было опоясано одиннадцатью постепенно суживающимися кругами гуннских, германских и сарматских воинов, численностью в несколько сот человек. Они были расположены настолько близко друг к другу, что могли взяться за протянутое напарником копьё. Между ними не смог бы пробраться незамеченным даже юркий хорек или хитрая кошка.

Дом был обшит необыкновенно гладко выструганным и ярко блестящим тесом, а также окружен полированными круглыми щитами в человеческий рост. Эти щиты не предназначались для обороны, они просто служили украшением. Над входными дверями развевались пестрые флаги, в которых преобладал желтый цвет; здесь стоял последний из одиннадцати кругов вооруженной стражи.

На западной и восточной стороне дома возвышались деревянные башни с резьбой. На ярком солнце изумительно сияли березовые украшения, покрывающие все здание. Стены также были разрисованы алыми рисунками, изображающими уродливые фигурки людей, лошадей, волков, драконов и змей. Эти карикатурные фигуры не отличались замысловатостью и шли правильными рядами, в виде каких-то примитивных, фантастических узоров.

Дворец был окружен полуоткрытой колоннадой, но вместо каменных круглых колонн крышу поддерживали четырехугольные деревянные столбы, тщательно обструганные, гладко выскобленные и довольно искусно расписанные разноцветными красками.

Ближайший к дворцу дом принадлежал Хелхалу, маститому советнику и поверенному Аттилы, который служил верой и правдой еще отцу знаменитого завоевателя. После царского жилища это было самое богатое здание, но без украшений и башен по бокам. Вся постройка была также деревянная, так как достать в степи иной строительный материал не представлялось возможным. Даже строевой лес доставляли издалека и с большими сложностями.

Единственным каменным зданием во всем селении была громадная баня, построенная всемогущей владыкой по просьбе одной из его бесчисленных жен, красавицы римлянки. Греческий архитектор, взятый в плен гуннами после разгрома Сирмиума, возвел эту постройку по греческому образцу из красного мрамора, причем тысячи рабов трудились многие годы над доставкой мраморных глыб из южных стран.

Возле дворца Аттилы группировались другие дома: спальные покои, помещения для царских жен с деревянной резьбой по стенам или с четырехугольными обтесанными столбами, которые соединялись грациозными полукруглыми арками из раскрашенных деревянных брусков. Каждый столб обвивали деревянные же разноцветные обручи шириною в ладонь, которые постепенно суживались кверху и чередовались с белыми неокрашенными промежутками. Это была мастерская работа, где полированные планки до того плотно сходились между собой, что трудно было заметить место их соединения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.